

УДК 930.2

Д.С. Коньков

МИКРОАНАЛИЗ КАК МЕТОД ВЕРИФИКАЦИИ МАКРОИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Рассматриваются методологические вопросы верификации макроисторических концепций с помощью микроисторического анализа истории случая. Предлагаются критерии возможности подобной верификации, приводится пример верификации на основе этих критериев по отношению к нескольким макроконцепциям.

Ключевые слова: *микроистория, верификация, история случая, макроистория, казус.*

Большинство современных авторов согласны с тем, что между историей случая и макроисторическими теориями возможен диалог. Более того, он необходим и имплицитно подразумевается. Расхождения существуют только в отношении путей такого диалога. Будет ли это «нормальное исключение», казус, связанный с неординарным, нарушающим общее правило событием и тем самым корректирующий это правило, как, вслед за Э. Гренди, полагают ряд историков [1; 2], или же, напротив, это событие, помещенное в максимально возможное количество исторических контекстов, некое увеличительное стекло для эпохи, уникальное само по себе и значимое только как путь к непосредственному «означаемому», «живому прошлому» [3]. Наиболее отчетливо методология подобного исследования как челночного диалога макро- и микроуровней исторического анализа разработана в монографии И.Ю. Николаевой [4].

Сталкиваясь с необходимостью верификационного анализа, исследователь оказывается в ситуации диалектического взаимодействия дедуктивного и индуктивного рассуждения. В зависимости от субъективных приоритетов выводы имеют различные акценты. Отчасти это и выступает в качестве источника противостояния сторонников макро- и микроистории. Сохранение позиции венаходимости как по отношению к макроконцепции, так и к самому казусу оказывается главной задачей исследователя в условиях подобной амбивалентности исследовательского анализа. Преодоление имперсонализации исследователем исторического текста, разумеется, невозможно во всей полноте, однако ему может способствовать элемент методологической рефлексии, предваряющей микроисторический анализ (а не следующей за ним постфактум, как это зачастую случается). Подобная рефлексия должна учитывать следующие основные факторы: 1) особенности макроконцепции; 2) степень соответствия и применимости конкретного случая к данной макроконцепции; 3) особенности источника.

В качестве примера, учитывая указанные факторы, попытаемся проанализировать убийство сыновей Хлодомера, случай, описанный Григорием Турским [5. С. 72–73], как пример возможностей верификации макроисторической модели. В соответствии с изложением Григория Турского можно выделить первичный простейший информационный слой, доступный для ана-

лиза, – исторический нарратив, метонимическое описание: 1) инициирование всего процесса Хильдебертом; 2) общий сбор в Париже для коронации наследников; 3) переговоры Аркадия с королевой-опекуншей и ее отрицательный ответ; 4) колебания Хильдеберта и бескомпромиссность Хлотара по поводу необходимости убийства.

В качестве примеров макроисторических концепций как объектов верификации примем: 1) социально-экономическую марксистскую модель диалектической смены хозяйственных укладов; 2) психоаналитическую модель становления власти как господства авторитарной личности; 3) модель многолинейного потестарного эволюционизма в рамках мир-системы. Особенностью каждой из этих концепций является акцент на отдельные стороны человеческого бытия, определяющий, соответственно, специфику дискурсивных практик каждой из этих моделей. Поэтому при выявлении верификационного потенциала данного случая первым шагом становится его внесение в смысловое пространство концепции, выяснение возможности его синекдохического описания с точки зрения этой концепции. На этом этапе существенной является дедуктивная или индуктивная позиция исследователя: в первом случае поле дискурса заранее задает матрицу смыслов, которая заставляет априори игнорировать не укладывающиеся в нее ситуации.

Так, с позиции марксистской исторической парадигмы факт убийства детей Хлодомера ничего не доказывает и не опровергает, он вообще не имеет значения, поскольку ему не могут быть приписаны очевидные социально-экономические смыслы. С позиции микроанализа, с другой стороны, такие смыслы можно хотя бы попытаться обнаружить как неявный контекст, не отбрасывая случай сразу. Так или иначе, при любом варианте заметно, что казус с детьми Хлодомера относительно мало релевантен по отношению к марксистской макроконцепции.

С точки зрения исторического психоанализа власти данный случай, напротив, с первого же взгляда вполне комплиментарен – поскольку речь идет о правителях и о конфликте на уровне межличностных отношений в рамках одной семьи. Матрица дискурса не испытывает напряжения при встраивании в нее этого случая, приписывание психоаналитических смыслов происходит органично. Это позволяет считать данное сопоставление возможным и даже желательным.

Модель потестарного эволюционизма рассматривает процессы формирования и развития властных структур. В рамках ее понятийного аппарата убийство детей Хлодомера само по себе не значимо, поскольку не вписывается в структурный гомологический ряд, дающий возможность говорить о процессе. Однако оно содержит потестарный контекст, что означает потенциальный верификационный элемент. Актуализирован последний может быть через встраивание соответствующего гомологического ряда, компаративистски описывающего типологичность или исключительность данного случая для существующей трактовки потестарных процессов во франкском обществе.

Наконец, вспомним об особенностях источника – «Истории франков» Григория Турского. Случай убийства детей Хлодомера описан в таких под-

робностях только в ней, и поэтому данный нарратив является уникальным и не верифицируемым сам по себе. Автор – не современник этих событий, поэтому его описание не может считаться аутентичным. Автор имеет собственную позицию, выраженную в его работе, как духовное лицо и житель Тура. Поэтому при микроисторическом анализе случая существенное значение приобретает контекст хронотопа автора источника, который исследователь должен иметь в виду и хотя бы оговаривать как некий фактор влияния, если не сосредоточиваться на текстологическом разборе.

Таким образом, нарративный факт способен верифицировать или не верифицировать макроконцепцию в зависимости от глубины и разносторонности анализа. Уверенность в верификации дает не дискурсивное соотношение микро- и макроуровней познания в каждом отдельном случае, а сопоставление ряда типологически уподобляемых друг другу ситуаций. При наличии релевантности этих ситуаций можно переходить к определению корреляции их с избранной исследователем макроисторической концепцией на предмет возможности верификации.

Литература

1. Гинзбург К. Широты, рабы и Библия: опыт микроистории / Пер. с англ. // НЛО. 2004. № 65. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/gin3.html> (дата обращения: 25.04.2009).
2. Медик Х. Микроистория / Пер. с нем. // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. II, вып. 4. С. 193–202.
3. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального / Пер. с фр. // Одиссей. 1996. М., 1996. С. 110–127.
4. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.
5. Григорий Турский. История франков. М., 1987